

РЕЦЕНЗИИ

А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. *Словарь морфем русского языка: Около 52 000 слов.* М.: Русский язык, 1986. 1134 с.

В основу словника рецензируемого издания (здесь и в дальнейшем — СМ) положен, с некоторыми дополнениями, „Орфографический словарь русского языка“ (15-е изд. М., 1978). Открывается СМ обширным теоретическим введением, написанным А. И. Кузнецовой, которое без всякого преувеличения можно назвать введением в теорию и практику морфологического анализа. Здесь же приводятся сведения из истории создания морфемных словарей (с. 12—15). Заканчивается введение описанием структуры СМ.

После необходимого раздела „Как пользоваться словарем“ (с. 19—22) следуют собственно „Словари“, состоящий из разделов: „Корневая часть“, „Префиксальная часть“, „Суффиксальная часть“, указателя рассмотренных слов и их корней (с. 823—1104). Далее находим очень важные приложения: 1. „Корни русского языка, сведенные в морфемы“, в котором приведено более 4400 корней, из них 1800 одноалломорфных (с. 1105); 2. „Наиболее продуктивные корни русского языка“, „образующие от 370 до 50 слов каждый и дающие в общей сложности почти половину рассмотренных слов — около 20 тыс.; приводятся в убывающем порядке. Цифры округлены до десятков“ (с. 1122); 3. „Оморфемные корни русского языка“ (с указанием количества значений) (с. 1123—1124); 4. „Префиксы русского языка“ (с. 1125); 5. „Суффиксы русского языка“ (с. 1126—1128); 6. „Наиболее активные суффиксы русского языка“ (с. 1129); 7. „Наиболее продуктивные модели русских слов“ (с. 1130—1132) и 8. „Наиболее активные многоморфемные единства (морфемные блоки) русского языка“, позволяющие „переломить мостик между морфемным и словообразовательным анализом“ (с. 1133—1134).

В аннотации к СМ совершенно справедливо указывается, что работа такого рода создана в отечественной лексикографии впервые. Но не этим, конечно, определяется ее значение. Фактически СМ представляет собой экспериментальную проверку различных теорий морфологического (и отчасти, словообразовательного) анализа, выполненного на огромном материале. Важнейшие теоретические положения, которые можно обосновывать в результате этого эксперимента, на наш взгляд, таковы: „Наличие в языке строго определенного инвентаря морфем, как корневых, так и аффиксальных (выделенных на материале бесспорных случаев), имеющих определенные правила аранжировки (дистрибуции. — В. Ч.), позволяет утверждать, что при членении слов более существенным является не семантический критерий, а именно формальный — критерий структуры слова“ (с. 9). При определении корня возможны различные решения в большом количестве слов, „так как семантические связи обычно бывают весьма субъективными и нечеткими, расплывчатыми“ (с. 9). „При морфемном анализе ориентация на семантику минимальная“ (с. 7); „в основу морфемного анализа языка, в основу исследования строения слова должен быть положен прежде всего формальный критерий, при котором фактор значения используется только эвристически, как источник догадок, или с целью уточнения“ (с. 10).

В то же время использование простейшего приема анализа — составление так называемого горизонтального и вертикального ряда типа

кустики... столик, мостик...
куст
кустовой
кустистый

далеко не всегда позволяет определить структуру слова, поскольку «в русском языке едва ли не больше слов другого типа, в которых выделение морфем не проходит так гладко» (сноска 24 на с. 10).

Затемнение морфологической структуры слова происходит потому, что а) в литературном языке закрепляются производные слова, корни которых в чистом виде функционируют в диалектах (напр., *незойливый*); б) в русском языке достаточно большое количество непродуктивных („аномальных“) аффиксов, выступающих в одном слове (*рис/унок, кол/яма, лопод/ья* и др.), и в) происходит деэтимологизация аффиксов, в том числе и корней (как результат исторических изменений).

По этой причине необходимо различать „синхронное, историческое и даже этимологическое членение“ (с. 8). Важнейшим приемом синхронного (лучше бы, наверное, синхронического) анализа является членение по аналогии. „Так, основываясь на широко распространенной в русском языке модели слова *У-ка*, можно было бы выделить суффикс *-к-* в словах *банка* 'овраг, высохшее русло реки' и *банка* 'стеклянный или металлический сосуд' (с. 11). В то же время следует учитывать и „историческую структуру слова“, а также его этимологию. Если принять их во внимание, то выделять суффикс *-к-* в словах *банка* 'брус, бревно' и *банка* 'скамейка на гребных судах', „заимствованных из германских языков“, нет оснований.

Различие между словообразовательным и морфемным анализом А. И. Кузнецова считает очевидным, но в то же время она подчеркивает, что они взаимосвязаны. Существование этой взаимосвязи показывают таблицы приложений 7 и 8, где приводятся наиболее продуктивные модели русских слов (включая окончания) и наиболее активные многоморфемные единства (морфемные блоки) русского языка (опять же, включая окончания).

В этих заметках мы не стремимся дать полный анализ творческих взглядов авторов СМ и результатов, полученных ими, т. е. материалов СМ. Однако, на наш взгляд, следует обратить внимание на следующее.

Прежде всего на основе обработанного нами материала можно было бы предложить максимально полную схему синхронического анализа, более полно представив содержание горизонтального и вертикального рядов. Если говорить не только о словообразовательном анализе, а об анализе структуры слов, то, очевидно, он должен иметь вид типа

префикс + $\sqrt{\quad}$ + суфф. + флексия
(+ возможные флексии)
возможные префиксы + $\sqrt{\quad}$ + суффиксы (+ возможные флексии),
напр.,
столик (/в...), мостик (/в...)
стол $\emptyset$
стол/овый
за/столь/ный
и т. д.

Далее, на наш взгляд, неудовлетворительно решен вопрос о так называемых субморфах, т. е. морфемах, не имеющих значения. Это явление рассматривается А. А. Кузнецовой на примере десемантизированных суффиксов в словах типа

воск/ов/ник/ов/ыс, грубу/тнн/ть и под., а также рем/вш/ок; в последнем случае „субморфом“ считается -вш.

Однако в словаре в качестве отдельных морфем выделяются так называемые тематические гласные: см., напр., *вод/н/ть (-ся)*, *во/злек/н/ть (-ся)*, *за/влад/е/ть* и т. д. Такими же „морфемами без значения“ в русском языке являются и соединительные гласные (в СМ сложные слова не рассматриваются). Это действительно особый вид морфем, названный Н. С. Трубацким „морфемами связи“, а в учебнике А. А. Реформатского – термином „интерфикс“ (предложенным А. М. Сухоным и поддержанным М. В. Пановым, см.: Р е ф о р м а т с к и й А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. С. 266). Термин „субморф“ в данном значении кажется менее удачным (кроме того, есть ли смысл без надобности множить терминологию?).

Ошибочно, на наш взгляд, решается в СМ проблема нулевой флексии („нулевого окончания“). Это понятие уже фигурирует в школьных грамматиках, т. е. стало общепринятым. Но не следует забывать, что введено оно для того, чтобы показать принципиальное различие между склоняемыми и несклоняемыми словами, т. е. словами, включенными и не включенными в парадигму – у последних нет нулевой флексии. Однако в СМ она приписана словам *кофе*, *пальто*. Сомнение вызывает и приписывание нулевого окончания глаголам типа *лечь*, *жечь*, *вечь* – ведь инфинитив также не имеет парадигмы в собственном смысле этого слова.

Неточность в определении понятия „нулевого окончания“ обусловлена и неточное понимание понятия „нулевой префикс“ – он приписан многочисленным словам, в которых вообще не может быть префиксов (даже в производных от них), типа *вист*, *альтар*, *ангел*, *армяк*, *апрель* и многим другим (см. с. 419 и след.).

Наконец, видимо, недостаточно точно описана структура слов типа *по/лесь/е*, *по/морь/е*, *при/озерь/е*, *при/морь/е*, *за/зеркаль/е*, *за/озарь/е*, *за/лопоть/е* (последнего нет в СМ, но оно употребляется в русской разговорной речи). Очевидно, эти слова оформлены сложными морфемами *по-√-е*, *при-√-е*, *за-√-е*. Может быть, следовало бы поддержать начинание А. А. Реформатского, назвавшего такие сложные морфемы, обрамляющие корень, „конфликсами“ (А. А. Реформатский. Указ. соч. С. 267). Кстати, в префиксальной части СМ модели *по-√-е* (*е*), *при-√-е* (*е*), *за-√-е* (*е*) не приведены.

В заключение хотелось бы остановиться на огромной практической роли СМ. А. И. Кузнецова справедливо указывает: „Знание того, как устроены слова, имеет большой прикладной смысл, напр., при машинной обработке текста, при обучении иностранным языкам, при обучении грамоте“ (с. 9). По нашему мнению, возможности практического использования данных СМ достойны специального обсуждения. Остановимся на следующих важных моментах, излагая их в тезисной форме.

Без знания принципов и правил морфологического анализа слова, без умения применять их на практике и без понимания сложностей, с которыми приходится сталкиваться при их использовании, невозможно методически правильно построить обучение русскому правописанию, основанному, как известно, на морфо-фонологическом принципе. Особенно важно все это иметь в виду при обучении русскому языку в национальной школе.

Данные МС облегчают задачу создания рациональных по объему и структуре минимумов слов при написании учебников русского языка для нерусских. Ведь слово в языке функционирует и как лексема, т. е. как член определенной семантической (под) структуры, и как член определенных словообразовательного и парадигматических рядов. В корректно составленном минимуме эти связи слов учителя, что само по себе является обучающим моментом, „программирующим“ учащихся на определение морфологического состава незнакомых им по значению слов и стимулирующим развитие их речевых навыков, подсказывающим способы образования новых слов от известных корней.

МС в явном виде представляет степень продуктивности тех или иных аффиксов и степень валентности большинства корней, показывая тем самым авторам учебников русского языка для нерусских, какие модели и в какой последовательности необходимо вводить в учебный материал.

Что же касается теоретических аспектов морфологии, то МС дает богатый материал для исследования процессов перераспределения морфем (суффиксов в пользу корней; окончаний в пользу суффиксов, приставок в пользу основ), для изучения процессов девизитализации аффиксов, процессов образования „морфологических фразеологизмов“, а также для изучения особенностей функционирования слов с зетивенной морфологической структурой. Наконец, на основе данных МС можно разрабатывать прогностические программы конструирования новых слов и терминов, необходимость в которых так ощущается в наше время.

Конечно, материалы словаря требуют глубокого изучения, дополнений и уточнений, однако совершенно очевидно, что специалисты по русскому языку — учителя и практики, студенты, учителя, методисты, авторы учебников и пособий для русских и национальных школ, а также для иностранцев получили в свое распоряжение уникальное пока в отечественной науке издание, которое, как представляется, станет для них настольной книгой.

И. Адамвичюте, В. Чекновс

Ценное и полезное издание

В 1986 г. вышел из печати учебник практического курса русского языка для национальных групп неязыковых вузов¹, подготовленный коллективом авторов, среди которых и два представителя нашей республики: проф. Л. В. Судавичене и Ф. Э. Мажулис. Учебник, отражающий опыт и специфику работы преподавателей русского языка в национальной аудитории, подготовлен впервые на основе программы практического курса русского языка для национальных групп неязыковых вузов союзных и автономных республик (1985) и адресован студентам, окончившим средние школы на национальных языках обучения.

Цель учебника, как подчеркивается в предисловии, — „совершенствовать навыки и умения практического владения русским языком как средством межнационального общения народа СССР и одним из мировых языков в различных сферах коммуникации: общественно-политической, учебно-профессиональной, социально-бытовой, социально-производственной, научной“.

Содержание и структура учебника, система заданий направлены на реализацию этой цели.

Принцип коммуникативной направленности, основной принцип методики обучения русскому языку как неродному, определяет все построение учебника, обуславливает характер презентации языкового материала, систему упражнений.

Грамматический материал в учебнике вводится на функционально-семантической основе. Единицы обучения преподносятся в соответствии с условиями их функционирования в речи. Благодаря этому обеспечивается тесная взаимосвязь и взаимообусловленность всех уровней языковой системы: лексики, фонетики, морфологии, стилистики. Языковой материал усваивается в процессе речевой деятельности, в процессе работы над темой. Название каждой темы не случайно имеет грамматический подзаголовок. Так, работа над темой „По родному краю“ предполагает усвоение, активизацию форм и структур, связанных с выражением пространственных отношений, а работа над темой „Человек и природа“ — с отработкой конструкций, выражающих условные и уступительные отношения.

Система упражнений, предложенных в учебнике, отвечает особенностям формирования речевых навыков и умений. На начальном этапе работы над темой преобладают предречевые упражнения, целью которых является накопление лексического и грамматического материала, осмысление семантических значений грамматических форм и конструкций, отработка навыков аудирования, чтения

¹Русский язык для национальных групп неязыковых вузов / Практический курс / Под редакцией Е. Н. Ершовой. М.: Выssh. шк., 1986.

и понимания воспринятого. Далее следуют разнообразные речевые упреждения, предполагающие большую самостоятельность студентов в выборе и использовании языкового материала. Всяческое одобрения заслуживает включение в систему упреждений заданий, способствующих развитию учебной деятельности студентов на русском языке (составление конспектов, библиографии, обзорного реферата при изучении специальной литературы, различных видов плана, тезисов, аннотации, рецензии, оформление всевозможных деловых бумаг и т. д.). Работа по теме завершается заданиями обобщающего, творческого характера, которые осуществляются в форме различных ролевых игр, диспутов, сочинений-рассуждений и т. д.

Прямственность в работе по формированию знаний, умений и навыков обеспечивается распределением лексического и грамматического материала в учебнике. Так, в первой части учебника рассматриваются способы выражения действия, состояния, свойства предмета, определительных, объектных временных и других значений словами и конструкциями в простом (неосложненном) предложении. Во второй части этот материал обобщается и расширяется; кроме того, здесь представлены способы выражения грамматических значений в предложениях с однородными членами, обобщением, в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

Задачи обучающего характера в учебнике решаются в тесной связи с воспитательными задачами. Так, в учебнике много текстов, тем, ситуаций эстетического и этического содержания, связанных с историческим прошлым нашей страны, ее героическими завоеваниями и свершениями, с достижениями современности, с чертами нового человека социалистического общества, с конкретными личностями, на примере которых формируются качества личности строителя социализма.

Задачам профессиональной направленности обучения отвечают общенаучные тексты и ситуации. С темами профессиональной направленности связан отбор общенаучной терминологии, а также синтаксических конструкций, с которыми студенты встречаются при чтении литературы по специальности, слушании лекций и т. п.

Немало места в учебнике отведено и темам, ситуациям бытового плана, с работой над которыми связано усвоение русского речевого этикета.

В краткой рецензии невозможно более подробно осветить все достоинства учебника (отбор и подачу справочного материала, отбор текстов, систему работы по формированию умений и навыков в различных видах речевой деятельности, полиграфическое оформление и мн. др.), но мы считаем, что авторскому коллективу удалось создать такое учебное пособие, по которому будет интересно работать как преподавателям, так и студентам.

На наш взгляд, рецензируемый учебник может оказать известную помощь и учителям русского языка, работающим в школе с литовским языком обучения, но, к сожалению, тираж учебника не позволяет широко его использовать. Остается надеяться на второе издание.

Д. Чепелита